

политика

Э.О.Леонтьева

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА: МОДЕЛЬ ДЛЯ СБОРКИ

Барсукова С.Ю. Эссе о неформальной экономике,
или 16 оттенков серого. 2-е изд. — М.: Издательский дом
Высшей школы экономики, 2017. — 224 с.

Ключевые слова: неформальная экономика, политическая наука, конструктивистский подход

О том, насколько тесно связана специфика социально-экономического взаимодействия в том или ином социуме и полития, возникающая в нем, писалось уже множество раз самыми разными исследователями — от Никколо Макиавелли до Карла Маркса и далее до наших дней. Тем не менее этот момент при анализе конкретной политики отходит на второй план. На первый план выступают смыслы, ценности, институты, традиции и много другое, безусловно, существенное. Казалось бы, все логично. Экономика — экономистам, политика — политологам. Все так, но не совсем. За пределами традиционного взгляда экономистов оказывается гигантский пласт хозяйственной деятельности, там, где она срастается с самой социальной тканью, с образом жизни людей, их формами самоорганизации. Этот пласт и именуют, в силу отсутствия более адекватного термина, неформальной экономикой. Из нее вытекает та неявная политика участия или дистанцирования, которая составляет суть политического поведения населения данной территории, данного государства. Она в большей или меньшей степени задает специфику реального функционирования политических институтов, норм и ценностей. В условиях, когда видимый политический дизайн, существующие формы легитимного насилия оставляют «пустое пространство» для неформальной реальности, она вполне может позволить себя не замечать. Ведь так комфортнее и ей, и самой видимой реальности. Но в тот момент, когда насилие (не столь важно, легитимное или нет) превышает какой-то предел, неформальность выходит из тени. Точнее, тени просто не остается. Однако сам «свет» от этого «выхода из тени» замутняется. Здесь чаще всего и возникают максимы типа «мир сошел с ума», «мы прошли точку невозврата» и т.д. Для объяснения этой мутной, хаотической и расплывающейся реальности и необходимо обратиться к неформальности, к тому, что остается за рамками традиционной политической науки. В этом плане книга Светланы Барсуковой важна и интересна для политологов, людей, стремящихся понять, как устроена политическая часть реальности.

Книга Барсуковой представляет собой цикл эссе, посвященных наиболее известным концепциям неформальности как в отечественной, так и в мировой литературе. Это привлекает, но одновременно создает серьезные проблемы для рецензента. Появление рецензии на книгу, которая сама строится на основе рецензий, может вызвать недоумение. Действительно, странный жанр «рецензия на рецензии». И как в этом случае определиться с предметом рецензирования? Ведь если Барсукова написала книгу о книгах, принадлежащих уважаемым и даже знаменитым ученым, чем должна быть рецензия на ее книгу? Попыткой вместе с автором поразмышлять над теми же книгами? Занятие это, конечно, полезное — но уводящее от авторского замысла и текста книги.

Все эти вопросы могли бы поставить в тупик, если бы не одно но... Книга Барсуковой — это не сборник рецензий, а некая самостоятельная композиция, сводящая всех проанализированных исследователей и их идеи в единое смысловое поле. Для автора это смысловое поле есть панорамное видение неформальной экономики, в котором отдельные фрагменты, рассмотренные по мотивам прочитанных книг, являются фундаментальными «кирпичиками» конструкции. Сам же процесс конструирования на этой базе — «складывание пазлов», по выражению Барсуковой, — по мере чтения книги вовлекает читателя не только в приятную интеллектуальную работу, но и в интересную интригу. Речь идет о постепенном «проявлении» неформальности, привычно скрытой не только от взгляда обывателя или нормотворца, но и от взгляда исследователя.

Во-первых, складывающиеся пазлы неповторимы, и у разных читателей они будут разными. Во-вторых, книгу можно читать в любой последовательности, с любого эссе, сплошь или выборочно. Это означает, что даже у одного читателя может каждый раз получаться разный пазл. Ассоциации с конструктивистским подходом, впервые использованным в художественных текстах, очевидны — ну как тут не вспомнить знаменитые кортасаровские «Игру в классики» и «Модель для сборки». С той лишь разницей, что, примененный в научных текстах, он погружает читателя в состояние постоянного штурма собственного мозга, борьбы с собственными представлениями. И осознавать это начинаешь, только прожив в таком состоянии полкниги, после чего с удивлением понимаешь, что уже не ищешь границу между автором и первоисточником и не сравниваешь свой вариант прочтения с авторским. Ты просто уже давно всю складываешь свой собственный пазл, наслаждаясь легкостью стиля и восхищаясь концентрацией красивых идей, которыми щедро делится с тобой автор.

В сущности, эти захватывающие конструкции из идей, моделей и теорий, возникающие по ходу чтения, и есть радость погружения в совершенно новый опыт, которой не ждешь от академической литературы. При этом изложение самого материала здесь отнюдь не «газетное», а на редкость трепетное и осторожное. Это сочетание свободы

изложения и его точности создает ощущение проникновения в проблему как некую целостность.

Конструкции, которые сложились у меня как у читателя, безусловно, крайне субъективны в плане преломления их через имеющийся у меня профессиональный опыт и место его приобретения. Тем не менее порой собранных «пазлов» я позволю себе поделиться, принося свои извинения автору за вольность подобного конструирования.

Пазл 1 — хрестоматийно-учебниковский. Обладая большим опытом преподавания гуманитарных и социальных дисциплин в вузе, я пришла к твердому убеждению, что авторы российских учебников ненавидят студентов. В их традиционной логике псевдоакадемизма учебник должен иметь такой формат: сначала побольше высоких теорий и категорий, а потом несколько примеров из практики, и это в лучшем случае, если дело вдруг дойдет до низких эмпирий. К учебникам иногда прилагаются хрестоматии, которые включают в себя фрагменты первоисточников, рекомендуемых учебником.

Но если мало кто из студентов прорывается сквозь категориальные дебри теоретизирования, то вероятность, что он потом откроет еще и хрестоматию, по сути, равна нулю. В структурированных эссе Барсуковой я увидела альтернативу этой практике написания плохих учебников, перспективную с точки зрения соединения в одном формате жанров учебника и хрестоматии. Реферативность, присутствующая в тексте, местами сближает его с образцовым студенческим конспектом — еще один уходящий жанр. А комментирование и критика надстраивают над конспектом то, что делает текст живым и интересным, в том числе для обучения, — тезисы, выводы, дискуссию. Тот факт, что этого нет в наших учебниках, наглядно свидетельствует об их бесплодности. В работе Барсуковой первоисточники реферируются и комментируются так, что именно факты и примеры — то есть сама жизнь — выводят на теории и концептуальные схемы. О последних же говорится предельно компактно и ненавязчиво. И в результате прочтения одной такой книги возникает широкое представление о теоретических основах неформальной экономики как о поле, в котором переплетаются модели и схемы разного уровня теоретической нагруженности (современное сословное общество, раздаточная экономика, силовое предпринимательство и т.д.).

Пазл 2 — тотальность неформального. Неформальное везде и всюду — в России и за рубежом, в бизнесе крупном и малом, в социальной жизни (в виде блата, сословных правил и т.п.), в самих принципах функционирования экономики, в конкуренции за силовые услуги, в правоприменении и т.д. Картинка, которая складывается из книги, неизбежно порождает вопрос: а есть ли, собственно говоря, что-то, что можно было бы квалифицировать как «нормальное формальное», или все сводится к изощренным попыткам государства и чиновников выжать ренту из неформального.

И этот вопрос по цепочке вытягивает другие — о качестве институтов, об исторической судьбе, о национальной идее. И от одного эссе

к другому ответы на эти вопросы становятся все менее оптимистическими. Если в 1990-х годах доминировала риторика «переходного периода» и связанной с ним неопределенности, будоражащей ожиданиями (вот скоро, скоро поменяется институциональная матрица!), то сейчас, по прошествии 20 лет, уже вроде бы настало время подвести итоги перехода или, по крайней мере, понять, где мы оказались и какое качество институтов получили. И осознание того, что формальные институты или по-прежнему воспроизводят, или — еще чаще — преумножают собственную неэффективность, не способствует позитивному взгляду на жизнь. Хотя автор и его книги-герои здесь, разумеется, не при чем.

Вполне возможно, что изучение новой политической реальности, возникающей на наших глазах, потребует включения в политический анализ качественно новых категорий, связанных с неформальностью. Будет ли это сословность Симона Кордонского, положения неозволюционизма, теория вождизма или что-то другое, сказать трудно. Однако это будет уже иная теория, может и не столь оптимистическая, но способная выявить какие-то закономерности в современной реальности.

Ну и, конечно, прагматический итог. Все книги, представленные автором, для меня четко поделались на три группы. Первая — те, которые я не читала и которые обязательно надо прочесть. Вторая — те, которые я читала и которые стоит перечитать. И, наконец, третья — те, которые я не читала и читать не буду. Это тот особый случай, когда удовольствие от рецензии, ее легкой, стильной и грациозной ироничности и изящного «троллинга» настолько сильно, что вряд ли оригинал дотянет до уровня рецензии. К слову сказать, таких книг немного, и спасибо автору, который дает возможность экономить время для более достойного чтения. Но даже если времени нет совсем — найдите его, чтобы прочесть эссе Барсуковой. Ночью, на кухне.